

Юбилей

Посвящается Ясену Засурскому

ДОС-ПАССОС... В звуке имени нечто величественное, труднодостижимое, громоздко-холодное, скрежет железа по железу — четыре жестких «эс». Медленно вращаются гигантские шестерни, мелькают быстрые колеса разных диаметров, чуть подрагивает ход приводных ремней — громадная машина под названием «США» (1930-1936). На русский переведены две части, да и те — в 30-е годы: «42 параллель» — Иваном Кашкиным, «1919» — Валентином Стеничем. «Большие деньги» можно прочесть по-английски.

...Есть завораживающая симметрия двух супердержав — СССР и США. Географическое пространство рождает чувство непонятной радости. Можно иронизировать над словами: «Широка страна моя родная...» Но тогда уж давайте посмеемся и над американцами: «От берега до берега тебе, моей отчизне, тебе, мой гимн, Америка... Люблю тебя, Америка! Ты мне дороже жизни». Отдельно взятая личность не чувствует себя маленькой и беспомощной, наоборот, — просторы рождают чувство уверенности (если не самоуверенности). Полторы тысячи страниц «США» — эстетическая проекция доспассовского американизма, литературный аналог географического и исторического размаха. У Джойса, уроженца маленькой Ирландии, в «Улиссе», — один день в одном городе, у Дос Пассоса — 30 лет жизни Америки, с 1900 года до

соответствии с законами коллектива.

Из-за болезненно пережитого опыта I мировой войны поколение Дос Пассоса — Хемингуэй, Фицджеральд, Каммингс, Крейн — и было названо «потерянным поколением», согласно случайному бонмоту какого-то хозяина бензоколонки, подхваченному язытельной бабушкой американского модернизма Гертрудой Стайн (см. эпиграф к роману Хемингуэя «И восходит солнце», 1926). «...нас, похоже, и впрямь погнали на войну ради займов Дж. Моргана. Но мы успели уже устать от Великих Начинаний: поэтому взрыв моральной негодования, так точно описанный в «Трех солдатах» Дос Пассоса, оказался недолгим», — писал Фицджеральд. Начинаясь Век джаза, который американские писатели предпочитали проживать в Европе: это был исход из литературной провинции в литературную столицу.

Вся самая интересная литературная американская кашка варилась тогда в европейских кастрильях — и чаще всего, разумеется, на кухнях Парижа. Евангелием молодых американцев стал «Улисс». Наставниками и кумирами выступали бывшие американцы: Гертруда Стайн (чьи теории были интереснее практики), Эзра Паунд и Томас Стирнс Элиот. «Потерянное поколение» штудировало Пруста, следило за Валери, их опьяняла свобода дадаистов — от Арагона до Бретона. «Париж, — учил Паунд, — лаборатория идей. Именно здесь испытывают яды и открывают новые типы здорового мышления. Именно здесь существуют антисептические условия лаборатории. Такова функция Парижа». В каком-то смысле американские писатели походили на деревенского пареня, ошалевшего от огней большого города:

Необычайная гад, — 1936. — 48 янв. — С. 7

ТИХИЙ АМЕРИКАНЕЦ

К 100-летию Джона Дос Пассоса, архитектора истории

Великой депрессии 1929-го — и это на примерно одинаковом пространстве текста. «Вот штука-то, черт возьми! Вы с Тихого океана, этот парень из Нью-Йорка, а я из старой Индианы — как раз посередине», — радостно кричит один из доспассовских солдат.

Американизм — вещь вполне реальная. Быть гражданином США — значит прежде всего ощущать на себе работу гигантского meatling pot — плавильного котла, переплавляющего иммигрантов в американцев. «Отец моего отца был португальцем и иммигрировал в Америку с острова Мадейры, — писал Дос Пассос в очерке «Моя жизнь» (1928) — Он был сапожник и шил, как говорят, прекрасные башмаки. По-видимому, он был революционером, но к какому принадлежал направлению — я не знаю. Хорошо говорить по-английски он так и не научился... Слова о революционности деда — скорее всего дань умонастроениям «красного десятилетия». Отец писателя был весьма преуспевающим адвокатом в Чикаго. И хотя он был беспечен и расточителен, в 1916 году Дос Пассос окончил самый привилегированный университет США — Гарвард. «Гарвард культивировал открытое «а» и знакомства, которые могут принести пользу в будущем и хорошую английскую прозу... Кого Гарвард не исправил, тот уже не исправится и Оксфордское издание классиков», — так иронически характеризует alma mater писатель в «42 параллели», в главе, посвященной своему кумиру и тоже выпускнику Гарварда — Джону Риду. В любом случае, этот питомник американской элиты вырабатывал у студентов своеобразный комплекс полноценности, если не превосходства. Все последующее зависело от личных свойств.

После Гарварда Дос Пассос первый раз уезжает в Испанию — изучать архитектуру (писатель — «архитектор истории», скажет он позже). Будучи убежденным пацифистом, он тем не менее хочет увидеть войну вблизи и вступает добровольцем в Красный крест — «служба санитаром явилась результатом некоторого внутреннего компромисса».

В результате Америка получила свой первый роман об этой войне — «Три солдата» (1921). Надо сказать, что американца (в отличие, допустим, от китайца) вообще довольно трудно представить органично встроившимся в армейскую систему. Дух индивидуализма — в котором Америка плохо ли, хорошо ли, но воспитывает своих сыновей — предполагает повышенную идиосинкразию ко всякой регламентации. И роман Дос Пассоса — это прежде всего сугубо американское переживание неизбежного растворения личности в коллективе. Не смерть, не кровавое месиво войны пугает, страшнее всего — давиловка: «Он убежит, и если его поймут, убьет себя. Он поднимет бунт в своей роте. Он до безумия возбуждает всех этих людей своими словами. Они откажутся строиться и рассмеются, когда офицеры побарабанивают, отдавая им приказания. И вся дивизия двинется через замерзающие холмы без оружия, без флагов, призывая солдат всех армий присоединиться к ним, выйти с песней, изгнать песней из своей крови весь этот кошмар». Названия глав романа — «Отливается форма», «Слав остывает», «Машины», «Ржавчина», «Внешний мир», «Под колесами» — предает весь малоприятный процесс нивелировки личности в

Париж так и остался для них вечным праздником, откуда каждый унес причитающийся только ему подарок...

Общим было писательское кредо. «Трагические гамма-лет, затерянные в мире вульгарности», они истово верили в пророческую миссию литературы, в свою исключительность, в то, что только искусство дает бессмертие, недоступное обычным людям. Они воспринимали литературу как святое дело и считали, что писатель — это пророк и жрец. Каждый из них надеялся написать Великий Американский Роман. Они (уже совершенно по-детски) верили в силу слова — для них точно найденные слова, поставленные в точно определенном порядке, и было тем прямым действием, которое уничтожает ложь и алогичность бытия. Они только усмехнулись бы, услышав, что кто-то считает литературу частным делом. Ибо Т.С. Элиот сказал: «Служить общему делу, вносить в него свой вклад, отдавать свое в обмен на чужое — это по силам только тем, кто может дать столько, что способен в работе забыть о самом себе». Писатель — «аппен-на нации», учил Эрза Паунд, никак не меньше! Одним словом, их представления о литературе были весьма возвышенными.

Роман «Манхэттен» (1925) Дос Пассос исполнил в стремительной импрессионистской манере — с отрывками из подслушанных разговоров, вырезками из газет, с мгновенными переходами от одного лица к другому, от эпизода к эпизоду. Гимн городу, натуралистичный и возвышенно-пугающий: «Сочится багровый сумрак из голубостремных туманов; ревут, вибрируя, медные глотки на окоченелых улицах; стынют окопелые глаза небоскребов, плещет красный свинец на скованные сталью бедра пяти мостов, воют кошащим воем буквы в расклеванной гавани над зыбкими столами дыма». Урбанистическая песнь иماجиниста. Плюс огромное количество пожаров, автокатастроф, преступлений, самоубийств и драматических скандалов, помноженных на мрачно-ватый юмор какого-то ирландского толка.

В Америке он был, как и многие, подхвачен «красной волной» — а «почему бы не революция?». Участвовал в создании клубов Джона Рида, был арестован как демонстрант против казни Сакко и Ванцетти в 1927 году (их казнили по обвинению в убийстве кассира обувной фабрики). Это дело взбудоражило американских интеллектуалов (подобно делу Дрейфуса во Франции и делу Бейрсона в царской России). Характерно, что рабочие не особенно волновались, зато газеты пестрели заголовками: «Художники и писатели защищают Сакко», «Интеллектуалы

требуют новой отсрочки исполнения приговора Сакко», «Фуллеру передано письмо протеста, подписанное сотнями образованных мужчин и женщин»... «В ночь казни (в Бостоне. — В.Ш.) прошла демонстрация протеста трехсот интеллектуалов... Они были безоружны, не помышляли о насилии и разбежались при первой же ко-ноинной атаке», — вспоминает Малькольм Каули.

В Нью-Йорке интеллектуалы левого толка сходились в небольшом итальянском ресторанчике на Перри-стрит: они ругали «сухой закон» и жаловались на невозможность писать. Когда обсуждался план создания промарксистского журнала «Нью Мэсиз», Дос Пассос провозгласил: «Интеллектуальные пролетарии всех стран, соединяйтесь, вам нечего терять, кроме своих мозгов» — его всегда раздражали застольные убеждения и кухонный радикализм. «Потом мы все пошли в отель «Бревурт». Там было гораздо приятнее. Все сколько-нибудь стоящие были там и там была Эмма Голдман, которая ела сосиски с кислой капустой и все смотрела на Эмму Голдман и на всех сколько-нибудь стоящих и все были за мир и социалистическое государство и за Русскую революцию и мы говорили о красных флагах и баррикадах и где лучше расположить пулеметы и мы как следует выпили и закусили гренадами с сыром и запалили по счету и разошлись по домам и открыли дверь английским ключом и надели пижамы и легли в постель и в постели было так покойно» («Камера-Обскура» (26) из «42-й параллели»). Очень напоминает, кстати, прозу Петра Капкина: такая же псевдонаивность, дискредитация пафоса через обыденность, простодушная эмпатичность, под которыми, однако,

скрывается метафизическая ирония).

Летом 1928 года Валентин Стенич привез на дачу к Чуковским гостя. «Это был высокий тощий человек лет тридцати с небольшим, но уже совсем лысый, — вспоминает Николай Чуковский. — Маленькая его голова, ничем не прикрытая, была несколько закинута назад, словно он старался рассмотреть верхушки берез, и дождь свободно сек его по лицу и по лысине. На нем была какая-то куртка, надетая поверх фуфайки, и рядом с ним Стенич казался изысканным иностранцем». Тихий, интеллигентный американец... Из развлечений заморскому гостю могли предложить лишь катание на лодке под дождем по Набоковской речке Оредж: Дос Пассосу это напоминало штат Мэн, что на границе с Канадой, меж берез дожди косые... Да еще пиво в угрюмом привокзальном буфете: пиво ему понравилось, и он недобрим словом помянул «сухой закон» на родине, и вспомнил, как, увидев спящего на мостовой под дождем пьяного в Ленинграде, понял, что «несмотря на социализм, мы такие же люди, как все...».

Советская Россия, с одной стороны, поощряла Дос Пассоса, как поощряла — до поры до времени! — всякого западного левака, которого можно было принять за бичевателя социальных язв капитализма: так, первый перевод из Дос Пассоса датирован 1924 годом. С другой стороны, дедушка Горький пренебрежительно назвал великого американца «неудачной карикатурой на Пильняка, который и сам достаточно карикатурен» (на что Пильняк не преминул заметить: «Не всем же писать «Клима Самгина!»). Корейский Зелинский и Петр Павленко не нашли ничего лучшего, как в открытом письме учить Дос Пассоса писать: «... Вы скатываетесь к идейному самоустранению из жизни. В этом стремлении «схватить мгновение» Вы попадаете под влияние Джеймса Джойса... это не наш, это буржуазный подход к вещам...» Вряд ли Дос Пассос, к эксцессам коллективизма и при опыте общения с американскими социалистами, мог понять, чего от него хотят советские товарищи. Прежде всего он был тогда эстетом (прочее — идеи, убеждения, мораль — производные от эстетизма) и индивидуалистом (каковым и остается до конца жизни). Его гениальная находка в трилогии «США» — это «Новости дня», где показана эстетическая самоценность газетной строки, которая сопрягается с какой-нибудь незатейливой песенкой.

Лунг Ю бывшая императрица Китая скончалась в Запретном городе

Будут кольца на пальцах
Будут серги в ушах
На слонах будет ездить
И жить во дворцах...

Пренебрежение интересами низших классов при формировании новой республики может вызвать новое восстание

600 американцев бегут из столицы

La cucaracha la cucaracha
La no quiere caminar
Porque no tiene

porque no tiene

Marijuano que fumar

Во всяком случае, полуротационная машина «США» впечатлила не только американцев, которые поняли: вот он наконец — Великий Американский Роман! И не только французов, и, в частности, Жан-Поля Сартра, назвавшего Дос Пассоса «вели-

чайшим писателем современности». Доспассовская трилогия спустя несколько десятилетий подвигла на эпический подвиг и наших соотечественников — среди них Евгений Попов с его «Прекрасностью жизни» (Роман с газетой, 1990), Василий Аксенов с трилогией «Московская сага» (1993), да и сам Александр Солженицын с «Красным колесом»...

Что касается политических пристрастий Дос Пассоса, то расцвет его левачества пришелся на годы правления президентов-республиканцев. Когда Герберт Гувер довел ничем не сдерживаемую свободу предпринимательства до логического предела вошедшего в историю под веселым названием «Великая Депрессия», президентом стал Франклин Делано Рузвельт, чей «новый курс» предлагал как раз контроль государства над экономикой. Страну качнуло влево, а Дос Пассоса — вправо, за что он не имел никаких дивидендов, кроме травли со стороны своих либеральных коллег. Как пишет Каули, писатель «был обвинен литературным сообществом во всех грехах и изгнан в пустыню».

Не то удивительно, что Дос Пассос стал антикоммунистом, — из опыта нам известно, что это дело плевое. А для всякого западного интеллектуала, обольстившегося левыми идеями в 30-е годы, а потом видевшего Гражданскую войну в Испании, как Дос Пассос, — разочарование было неизбежным (достаточно вспомнить хотя бы Джорджа Оруэлла). Может быть, более удивительной была его мрачность, прежде придававшая особую терпкость его иронии, а теперь доходящая чуть ли не до мизантропии. Его, к тому же, бросало в какие-то совсем уж неожиданные интеллектуальные

авантюры. «Видел ли ты, что пишет Дос Пассос о Перонах в «Лайфе»? Он сошел с ума? Или это какая-нибудь неораздикалка причуда — восхвалять Эвиту? Или же это сатира?» — удивлялся Владимир Набоков в письме к Эдмунду Уилсону, парижскому собутельнику и соратнику Дос Пассоса по левым делам (письмо середины апреля 1949 года). Речь шла об очерке, написанном во славу жены диктатора Аргентины.

Книга «Великий замысел» (1949) была направлена против политики Рузвельта, в которой Дос Пассос увидел ущемление безликими и могучими могущественными организациями свободы «маленького человека» — мелкого предпринимателя. Новый герой Дос Пассоса шел на риск ради своего дела, вкладывал в него труд и душу и один противостоял как большой корпорации, так и большому правительству. Писатель протестовал против того, что слова «прибыль», «дивиденды», «свободная инициатива», «капиталовложения» стали произноситься в Америке с уничижительным оттенком. И именно Дос Пассос в 1959 году написал предисловие к консервативному манифесту «Воспрянем от либерализма»...

Если Дос Пассос имел какие-нибудь амбиции — а он наверняка их имел, — то душа его должна успокоиться. Его трилогия числится классикой. Его политические идеи последних лет жизни вошли в сокровищницу неоконсервативной революции, на волне которой к власти пришел в 1980 году один из самых успешных президентов Америки — Рональд Рейган. 25-летнее издание консервативного манифеста с предисловием Дос Пассоса рекламировалось как «книга, которую читал сам Президент»... Жизнь во славу своей страны.

... в крытом толем морге в Шалон-на-Марне, в страде хлористой извести и трупов, выбрали сосновый ящик, содержавший все, что оставалось от

еники беники си колеса, там было навалено еще много сосновых ящиков, содержавших то, что уцелело наскрести от Ричарда Роу или иного неизвестного лица или неизвестных лиц. Место есть только для одного. Как они выбрали Джона Доу.

Смотрите, ребята, чтобы он не был негром, смотрите, чтобы он не был итальяшкой или жидом...

и горнист сыграл вечернюю зарю...

и гунали, как все это красиво печально старое славное Знамя Божья Страна и горнист играет вечернюю зарю, и от всех залов у них зазелено в ушах...

(1919) — «Тело американца». Перевод Валентина Стенича).

Джон Дос Пассос умер в 1970 году в своей постели. Его лучший русский переводчик Валентин Стенич, когда-то поразивший Александра Блока знанием стихов и задушивший голову поэту русским дендизмом, — так вот этот самый «русский денди» был в 37-м арестован вместе со своей любовницей и ее мужем. Супругов выпустили через год.

В советское время Стенич стал классным переводчиком, но в 1938 году его расстреляли. А проза Дос Пассоса в переводе Стенича совсем не холодная: она чувствительна, трепетна, подернута дымкой мрачной иронии, которая всегда кстати. Проза торжественная и трагичная — забавная проза. Впрочем, и на родном языке хорошо читается.